

Кто бы мог подумать, что к вечеру Наньгун Сюэ заскучает и тайком проберётся во Дворец Чанлэ, чтобы поиграть с принцем, то раздражая его, то радуя. Принц был совершенно беспомощен перед этой капризной красавицей, и его чувство собственности к Наньгун Сюэ значительно усилилось.

Цзян Сяомань знал, что скоро может наступить этот момент, и чувствовал одновременно и волнение, и тревогу.

Это был отличный шанс отступить, чтобы углубить чувства главного героя и героини. Только потеряв героиню, принц сможет понять, как много она для него значит!

Цзян Сяомань сказал:

— Ваше высочество, вы ошибаетесь. Это служанка из Дворца Чанлэ.

— О? — Жун Чжэ заинтересовался ещё больше. Он поднял бровь и с насмешливой улыбкой посмотрел на принца. — Брат, ты тоже взял такую красавицу в служанки? Я думал, ты всегда был равнодушен к женщинам.

Принц снова фыркнул:

— Еда и любовь — это природа человека. Даже бессмертный может быть нежен с красавицей, а я всего лишь смертный. Почему бы мне не любить их?

Цзян Сяомань удивился.

«Эм? Кажется, меня упомянули? Какое это имеет ко мне отношение?»

Он усомнился, не ослышался ли он, и решил молчать, чтобы не наговорить лишнего.

Принц продолжил:

— Но если она приглянулась моему младшему брату, то пусть Сяо Сюэ-цзы служит тебе.

Цзян Сяомань удивился.

Наньгун Сюэ, которая до этого выглядела скучающей и молчала, внезапно оживилась и закивала:

— Сяо Сюэ-цзы готова служить третьему принцу!

Цзян Сяомань был в замешательстве.

— Тогда пусть идёт! — распорядился принц.

— Слушаюсь! — отозвалась Наньгун Сюэ.

Принц, представляя, как красавица перейдёт к третьему принцу, а этот похотливый бессмертный начнёт лнуть к нему, почувствовал странное сочетание боли и удовольствия.

Наньгун Сюэ же, думая о том, что сможет избавиться от тяжёлой работы и покинуть пустой Дворец Чанлэ, где нечего было украсть, была на седьмом небе от счастья.

Цзян Сяомань же был в полном недоумении и уже не понимал, что происходит.

— Погодите! — воскликнул он. — Я... не согласен!

— Да? А какие у бессмертного есть возражения? — Принц бросил на него взгляд.

Цзян Сяомань, сказав это, сам не знал, как оправдать свою позицию.

«Это действительно соответствовало сюжету: героиня должна была перейти к третьему принцу, чтобы принц понял, как она ему дорога. Но с самого начала всё пошло не так! Принц должен был остановить её, а не отправлять к третьему принцу!»

— Я... это... — Цзян Сяомань начал запинаться. — ...Это не к добру.

Принц, видя, как Цзян Сяомань краснеет и пытается придумать отговорку, не понимал, почему тот противится.

«Может, потому что Башня, достигающая небес, находится близко к Дворцу Чанлэ, и если Наньгун Сюэ уйдёт, они не смогут встречаться каждый день? Какой же он ленивый».

Принц внезапно решил, что Цзян Сяомань и похотлив, и ленив, и совсем не мил.

Жун Чжэ, наблюдая за ними троими, почувствовал, что в воздухе витает напряжение, и что-то здесь не так.

Он просто случайно бросил фразу, но брат, оказывается, хотел отдать ему служанку, да и сама служанка с энтузиазмом согласилась.

«Такая активность явно скрывала какой-то подвох!»

«К тому же бессмертный был всеведущим живым богом, и если он выступил против, то глупо было бы принимать служанку. Это могло быть самоубийством!»

Он предположил, что служанка на самом деле могла быть убийцей, и, думая об этом, он смотрел на Наньгун Сюэ с подозрением.

Жун Чжэ, с фальшивой улыбкой, сказал:

— Брат, спасибо за предложение, но я откажусь.

Принц ответил:

— Лишняя помощь никогда не помешает.

Жун Чжэ продолжил:

— Мне не нужна помощь, а вот тебе, брат...

Он взглянул на ноги принца, но тот холодно смотрел на него, и он не смог продолжить. Вместо этого он сменил тему:

— У меня нет недостатка в служанках, а вот охранников не хватает. Где же Тун Гуан? Почему его сегодня не видно?

Цзян Сяомань только сейчас заметил, что Тун Гуан, который обычно молча стоял за спиной принца, как фоновая картинка, исчез.

«Куда он делся?»

Краем глаза Цзян Сяомань заметил пару глаз, выглядывающих из цветов позади принца. Это был Тун Гуан.

Маленький охранник принца, обычно серьёзный и спокойный, сейчас выглядел напуганным, как оленёнок, прячущийся в кустах. Увидев, что Цзян Сяомань заметил его, он быстро замотал головой, показывая, чтобы тот не выдавал его.

Цзян Сяомань шагнул вперёд, закрывая его собой.

Жун Чжэ продолжил:

— Давно не видел Тун Гуана, соскучился по нему.

Принц же сказал:

— Не приставай к нему.

«У третьего принца и Тун Гуана были какие-то разногласия? Цзян Сяомань не помнил такого из книги».

За эти дни, проведённые в этом мире, Цзян Сяомань понял, что реальность гораздо сложнее, чем в романе. В книге всё вращалось вокруг любовной линии между Наньгун Сюэ и Жун Тином, а истории других персонажей опускались. Но в мире, где он сейчас находился, каждый был живым человеком, у каждого была своя история.

«И не только второстепенные персонажи, даже у главных героев были скрытые переживания, о которых не писалось в книге».

Цзян Сяомань понял, что эта задача гораздо сложнее, чем он думал.

В императорском саду четверо людей, каждый со своими мыслями, стояли в молчании.

В этот момент раздался шум, сопровождаемый смехом девушек и женщин.

— Жээр, ты тоже здесь?

— Жэ-гэ... а, ваше высочество.

Появились императрица и принцесса Юньмэн, сопровождаемые группой служанок.

Императрица, хоть и не была матерью принца, по этикету заслуживала его поклона. Однако принц просто сидел, поглаживая котёнка, и даже не смотрел на неё.

Принц не поклонился, а Цзян Сяомань даже императору не кланялся, тем более не стал бы кланяться императрице. Единственной, кто должен был поклониться, была Наньгун Сюэ, но она тоже стояла, осматривая императрицу.

Атмосфера стала ещё более неловкой, и Цзян Сяомань решил разрядить обстановку, обратившись к императрице и принцессе Юньмэн, которая при виде принца покраснела.

— Бессмертный тоже здесь.

— Сегодня хорошая погода, я вышел прогуляться и случайно встретил принца и третьего принца.

— Юньмэн настаивала, чтобы мы вышли, а я не хотела двигаться. Хорошо, что мы вышли и встретили принца и бессмертного, — сказала императрица, заметив Наньгун Сюэ. Она пристально посмотрела на неё, увидев её бесстрашное выражение лица, и вдруг улыбнулась. — Кстати, принц уже достиг возраста, когда пора жениться.

Императрица, с улыбкой в глазах, посмотрела на принца. Она, казалось, не обращала внимания на его холодность и сказала:

— Принц, есть ли девушка, которая тебе понравилась? Я поговорю с твоим отцом.

Принц даже не поднял головы, продолжая гладить котёнка, иногда слегка сжимая его лапки.

Императрица продолжила:

— Если ты женишься в этом году, то через два года твой отец сможет нянчить внука. В твоём возрасте он уже был отцом.

— Хах, — принц вдруг рассмеялся. — И не только отцом. Он сразу стал отцом второго и третьего.

Цзян Сяомань заметил, как улыбка императрицы на мгновение застыла, но затем она снова улыбнулась. Она сказала:

— Императорская семья должна расти, и чем больше братьев, тем лучше.

Жун Чжэ тихо пробормотал:

— Правда лучше?

Императрица тут же бросила на него взгляд, и он замолчал.

— Кстати, бессмертный ранее говорил, что тот, кто вылечит ноги принца, станет его будущей супругой.

Услышав это, принц наконец поднял голову и прямо посмотрел на Цзян Сяомань. Он сказал:

— Да? Я не слышал, чтобы бессмертный говорил это.

Цзян Сяомань вспомнил, что он говорил это только императору и другим, но забыл сказать самому принцу. Он кивнул, приняв серьёзное выражение, и сказал с достоинством:

— Именно так. Я погадал для принца, и тот, кто вылечит его ноги, станет его будущей супругой.

Принц прищурился, его проницательный взгляд устремился на Цзян Сяомань. Тот почувствовал, как по его коже побежали мурашки, и он ощутил, что в этом взгляде скрывалась угроза.

Принц остановился, его обычно расслабленный вид сменился на медлительный, но слегка раздражённый:

— Ты ещё и мою свадьбу решил устроить? Сколько времени прошло, а ты уже вмешиваешься в

государственные дела?

Цзян Сяомань почувствовал, как его тело похолодело.

Он понял, что действительно не стоило говорить такие вещи. Свадьба принца была государственным делом, выходящим за рамки его предсказаний. Если что-то пойдёт не так, это могло стоить ему головы.

Но что он мог сделать? Слова уже были произнесены, и их нельзя было забрать назад.

«Извиниться? Нет, он не мог разрушить свой образ, тем более он должен был заставить всех поверить в него».

<http://bllate.org/book/16796/1544764>